

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

Молодой Ленинград*51

Издательство ЦК ВКЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»,
Ленинград, 1951 г., 480 стр.
Тираж 15 000 экз. Цена 10 р. 50 к.

Редакторы: М. Довлатова и
Н. Ходза

Художник-редактор Г. Левин

Репродукции с работ молодых
художников Ленинграда

В.Ветрогонского,
Раймонды Дьен, А. Левитина,
М. Аникушина, Г. Завьяловой,
Г. Калинкина, И. Богдеско,
Г. Праксейна

Стихи: Александр Андреев,
Людмила Барбас, Игорь Ринк,

Ши Фан-ю (перевод Семена Ботвинника), Михаил Бернович,
Николай Новоселов, Дмитрий Максимов, Николай Кузнецов,
Михаил Сазонов, Владимир Гнеушев, Виталий Шевченко, Ефим Ховив,
Эдуард Талунтис, Николай Снегирев, Николай Кутов, Розалия Амусина

Проза: Евгений Воеводин, Юрий Помозов, Валентин Каренин
(Валентин Пикуль), Михаил Шургин, Федор Гордеев, Игорь Коссаковский,
Рытхеу (перевод Александра Смоляна), Борис Раевский, Анатолий Соскин,
Даниил Гранин, Александр Орлянский, Михаил Бурцов, Эдуард Шим

Публицистика: Анна Шур, В. Вишневский, А. Кантор, Федор Грачев,
Василий Литвинов, Лев Мочалов, Галина Леонтьева, Юрий Дюженко

Даниил Гранин

ДАЛЕКИЙ ПОДВИГ (отрывок из рассказа)

Между старыми низкорослыми яблонями работал садовник Франц. Он подпирал рогатками грузные ветви. Время от времени яблоки с глухим стуком падали на траву.

Вынув изо рта короткую трубку, Франц сердито покачал головой.

– Вы совсем не похожи на больного, господин профессор.

Ани облегченно рассмеялась.

С неожиданной ловкостью профессор выбросил вперед раскрытую ладонь, поймал падающее яблоко и надкусил его, морщась от закипающего сока. Ани и Франц улыбались, глядя на его лицо.

И вдруг он спросил:

– Франц, а что если бы вам предложили срубить эту кислятину, а дали бы настоящие культурные саженцы?

Франц задумчиво пососал потухшую трубку.

– Надежда – хороший завтрак, господин профессор, но плохой ужин, – осторожно ответил он. – Я вряд ли доживу до первого урожая хороших яблочек. Как говорят у нас: лучше маленькая рыбка, чем большой таракан. – Он ласково погладил шершавый, в солнечных пятнах ствол. – Да у меня и рука не поднимается срубить их.

Ани сбоку пытливо посмотрела на мужа.

В дальнем конце сада Ани оставила его на скамейке и ушла в дом по своим хозяйственным делам. Стояли зеленые сумерки и пахло грибной сыростью, – родные, полузабытые запахи детства. Кто там, в краю его детства бежит сейчас за тенью летящей ласточки? Кузнечики брызжут из-под босых ног, а навстречу – высокое чистое небо, синее-пресинее, какое бывает на Украине.

С того дня, как газеты сообщили о революции в России, он жил одной надеждой – вернуться на Родину. Сорок лет тому назад он вынужден был покинуть ее. Кажется, это случилось совсем недавно: лаково-желтые глаза жандармского офицера, разорванный в клочья студенческий билет. «За участие в политических беспорядках студент Михаил Доливо-Добровольский исключается из Рижского Императорского Политехнического института без права поступления в высшие учебные заведения Российской империи». Пришлось кончать образование за границей, там же пришлось остаться работать.

Ему не раз предлагали принять немецкое подданство. Правительство Германии не хотело, чтобы автор мировых открытий оставался русским. Упрашивали, настаивали, угрожали. Его спасал лишь страх промыш-

ленников лишиться человека, который нес на своих плечах всю славу крупнейшей электротехнической фирмы страны.

Теперь, когда Россия стала свободной, он особенно остро чувствовал свое одиночество в этом старом Гейдельберге, среди чужих людей. Но шел 1918 год, Советская Россия была блокирована, и все его попытки вернуться на родину терпели неудачу...

– Господин профессор! –

Он очнулся. Перед ним стоял Франц.

– Почему вас интересуют мои яблони, господин профессор?

– Видишь ли, Франц, я тоже давным-давно кое-что посадил, а сейчас жизнь спрашивает – оставить или срубить во имя лучшего.

Франц помолчал. Потом коричневое, в глубоких морщинах лицо его, похожее на грецкий орех, заулыбалось.

– Вот оно что... Знаете, господин профессор, почему я вам так ответил? Потому что у меня нет детей! Да, – повторил он убежденно, – будь у меня дети, я посадил бы для них новый сад!

Рытхэу

ЛЮДИ С ТОГО БЕРЕГА *(отрывок из рассказа)*

...Все селение уже знает подробности того, что произошло в море. Три эскимосских моторных байдары были застигнуты бурей далеко от берегов. Волны трепали их, играли ими, как песок играет тундровой мышью. Одна из байдар не выдержала этой борьбы, дала сильную течь; распоролась ее кожаная обшивка. Гибель уже казалась эскимосам неминуемой, но, к счастью, их заметили с вельбота молодежной бригады, возвращавшейся в это время с охоты. С риском для собственной жизни молодежь поспешила на помощь. Эскимосов, терпевших бедствие, они сумели пересадить в вельбот, а облегченную таким образом байдару привели с собой на буксире. Две другие байдары добрались вслед за ними собственным ходом.

Эскимосов поместили в пустующей школе. Сперва они чувствовали себя очень неуверенно, с опаской косились на пограничников. Поверят ли им, что они случайно попали в советские воды, что в этом виновата буря? Не заподозрят ли в том, что они охотились в чужих водах? Отпустят ли их, если отпустят, – не отберут ли их охотничью добычу? Не потребуют ли слишком большого выкупа или оплаты за помощь, оказанную вельботом? Особенно тревожили все эти вопросы владельца байдар Тэпкэлина – толстого эскимоса в разбитых роговых очках.

Вскоре однако пришел старший из пограничников, сказал, что связан по радио со своим начальством и получил такие указания: предос-

гавить эскимосам ночлег, оказать им содействие в починке байдары, обеспечить питанием, а когда море успокоится – проводить до границы территориальных вод.

Тэпкэлин кряхтел, охал, несколько раз раскрывал рот, будто хотел что-то сказать, но не решался. Наконец он спросил: «А сколько вы возьмете с нас за все это?»

И не только Эйнес, переводивший этот разговор, но и старый Атык и все остальные колхозники рассмеялись. «Ничего, – ответил, сдерживая улыбку, начальник заставы, – конечно, ничего. Впрочем, за население отвечать не уполномочен. Я вижу, вам тут всякого угощения принесли. Так насчет этого вы уж сами договаривайтесь».

А председатель колхоза добавил: «Конечно, ничего не возьмем. Разве у вас, в Америке, когда угощают гостя, так деньги с него берут?»

Теперь смеялись и эскимосы – то ли потому, что поняли, что им ничего не угрожает здесь, то ли потому, что у Тэпкэлина был уж очень растерянный и озадаченный вид. Рот, в котором торчали два почерневших зуба, был приоткрыт; переломившийся надвое и задранный кверху козырек напоминал рога; поцарапанное левое веко распухло так, что совсем закрыло глаз, а правым, близоруко прищуренным глазом он недоверчиво смотрел сквозь пустую оправу, пока не сообразил, что лучше всего засмеяться и самому. Тогда, уж полушутливым тоном, он спросил, показывая на свое левое веко: «А что – может, у вас и лечат бесплатно?»

Тэпкэлина и еще одного эскимоса, сорвавшегося при прыжке с байдары в вельбот и поранившего себе плечо, отвели в медпункт.

Сергеев, уже отстоявший свою смену, вместе с Эйнесом растопил в школе печку: на дворе, правда, июль, но ночь холодная, ветреная. К тому же гости смогут обсушиться у огня.

– Может быть, Атык споет нам? – спрашивает Эйнес.

Почему же не спеть, когда просят? Атык любит петь, плох тот певец, который не любит петь. Особенно – если друзья рады послушать. А сегодня есть для этого еще такой повод, как встреча со старым товарищем. Ведь они с Мылыгроком не раз, бывало, состязались в пении. Атык говорит:

– Что ж, Мылыгрок, давай, вспомним старое, Тылык, принеси мой ярар.

Но ярар – большой чукотский бубен с рукояткой из моржового клыка – уже здесь. Тылык, оказывается, заранее принес его – наверно, они с Эйнесом сговорились.

Старик с любовью смотрит на сына. Еще одна неделька – и Тылык опять уедет в Ленинград. Сможет ли он приехать на Чукотку будущим летом? Уж очень далека дорога до Ленинграда. Говорят, что раз в пятнадцать дальше, чем до Анадыря...

Тылык подает отцу ярар и тонкую, гибкую палочку. Эйнес подает чашку воды. Атык смачивает водой поверхность туго натянутого пузыря, прикасается к нему палочкой, и рокочущий звук ярара разносится по большому классу школы.

Старик начинает петь:

– Когда среди моря путник направление потеряет, ему звезды дорогу напомним, верную дорогу укажут. По яркой Полярной звезде направление мы находим, каждому это известно, твердо известно каждому, кто с морем давно сроднился. Но когда буря бушует, когда небо закрыто тучей, когда темной тучей закрыто сиянье звезд, – как тогда путнику быть? Как избежать беды, кто тогда байдару твою спасет, не даст под волнами погибнуть?

Палочка трепещет в руке у певца, ярар тревожно рокочет в такт песне. Здесь топится печка, а за окнами еще бушует буря, и песня о буре, звучащая здесь, у спокойного огня, проникает каждому в самое сердце.

– Так бедный путник думал, – продолжает свою песню Атык, – бедный путник, среди моря изнемогавший. Сдаться уже был он готов, непосильна была неравная схватка с бурей. Но на помощь ему тогда Унпэнэр устремился, на вельботе примчался смелый с молодежкой своей бригадой. Вот какая смена у нас – молодежь колхоза «Утро». Вот каков наш Унпэнэр – никакая опасность ему не страшна! Путников он среди моря спас, в бурю спас он их, когда туча закрыла звезды. Значит, недаром имя свое он носит – славное имя Унпэнэр!

Молодой бригадир смущенно улыбается, потом хмурится, потом снова начинает улыбаться. Под устремленными на него дружескими взглядами он чувствует себя гораздо менее храбро и уверенно, чем в море. Кроме того он не любит, когда напоминают о значении его имени: что там говорить о Полярной звезде, когда на лице у него почему-то так много родинок, да и ростом-то он, как говорится, не вышел... И все-таки, конечно, приятно, что Атык сложил про него песню.

Всем остальным песня очень понравилась. Вот какой он геройский парень, этот колхозный бригадир. А какой в колхозе «Утро» певец!.. Второго такого, наверно, на всем полуострове не сыщешь.

Ярар рокочет теперь в руках Мылыгрока – вначале неровно, отрывисто, потом все послушней, стройнее. А старый эскимос все не начинает петь: откашливается, настраивается, обдумывает начало.

Вот он запел. Голос у него тихий, дрожащий, но слова ложатся плавно; и песня постепенно захватывает всех слушателей. Он поет печальную песню о чайке, о белоснежной чайке, застигнутой бурей вдали от родных берегов. Описание бури звучит в его песне мрачнее, чем у Аты-

ка. Тихий голос не заглушает ветра, шумящего за стенами школы, и кажется будто ветер поет эту же песню, полную тоски. Слезы дрожат на старческих, подслеповатых глазах певца.

Ни на кого не смотрят сейчас эти глаза. Может быть, видят они, как чайка, совсем уже обессилев, опустилась на волну. Ее качает на гребне, удержаться на нем не легче, чем лететь. Вот гребень уже повис над водяной пучиной, вот-вот он обрушится, вот-вот другая волна похоронит под собой обессилевшую птицу. Чайка хочет взлететь, но не может. «Силы нет уже совсем в белоснежных крыльях птицы, а над ней – черная стена волны...»

Вдруг Мылыгрок замолкает, не допев. Видно, перехватило горло у старика. Он закашлялся, опустил ярар.

– Ты пел не про птицу, Мылыгрок? – тихо спрашивает Атык.

Мылыгрок не отвечает. Может быть, он даже и не слышал вопроса.

– Нет, – отвечает за него молодой эскимос, – он пел не про птицу. У него прошлым летом сын погиб. С тех пор старик совсем покоя лишился.

Мылыгрок поднимает голову и говорит:

– В море мой сын утонул, вот в такую бурю, как сегодня. В нашем стойбище хозяином теперь Тэпкэлин, все три байдары его. Было четыре, одна в прошлом году затонула. В ней был мой сын. Единственный сын, двадцать три года ему было...

– У них тогда мотор испортился, – рассказывает молодой эскимос. – Парень предупреждал Тэпкэлина, говорил, что мотор перебрать надо, нельзя так в море выходить. А Тэпкэлин ничего слушать не хотел, ругался только. Когда против сильной волны пришлось идти, мотор у них и заглох. Сам-то хозяин совсем рядом был, на другой байдаре. Ему надо было на буксир их взять, а он не захотел. Трусливый он очень, торопился собственную шкуру спасти. А может, он и нарочно не взял их на буксир – чтобы страховую премию за байдару получить. Пять человек тогда погибло, а Тэпкэлину все – как с гуся вода. Он поехал в Ном, получил в обществе страхования деньги. Много денег получил, куда больше, чем эта старая байдара стоила.

– Жена у тебя жива? – спрашивает у Мылыгрока Атык. – Дочки есть?

– Нет, один остался. Три дочери были – все умерли. Эскимосы, Атык, много умирают. Болезнь придет – на что лечиться будешь? Где деньги возьмешь? Да и без болезней много умирают. Тяжелая жизнь, голодная.

– Голодная? – сурово спрашивает Эйнес. – А ведь страна у вас не бедная. Ваше радио все время об американских богатствах толкует.

Мылыгрок только горько усмехается...